

Рыцарь без доспехов, или Возвращение Бориса Балтера

«Я любил наш город. По ночам он задыхался от душного дыхания цветов, а днём зной улиц продувало сквозными ветрами. И днём и ночью он отдавал себя, свои пляжи и парки, свои дома и стёртые плиты тротуаров, своё солнце и тёплую прохладу моря тысячам людей, которые искали в нём короткое и лёгкое пристанище. Я любил его и знал его душу, потому что сам был частью этой души. (...)

Наверное, поэтому все эти годы я ни разу не побывал в нашем городе: я боюсь увидеть его другим. Он живёт в моём сердце и памяти таким, как казался в юности, и останется таким, как бы теперь ни изменился его облик. Всему хорошему, что сохранилось во мне, я обязан ему, городу моей юности, самому лучшему из городов».

Для многих памятливых читателей эти строки давно стали классикой. Немногие города могут похвастаться тем, что им были посвящены такие пронзительные и проникновенные строки. Борис Балтер любил свой родной город, и его повесть «До свидания, мальчики!» навсегда сделала маленькую провинциальную Евпаторию знаменитой.

А ведь до этого всё было не так очевидно.

В 1948-1953 гг. Балтер учился в Литературном институте. Литинститут в те времена был мало похож на предвоенный ИФЛИ (1931- 41 гг.), из которого вышла целая плеяда талантливых советских поэтов, переводчиков, литературоведов, философов, историков и культурологов. Но одной из самых больших жизненных удач будущего писателя было то, что он попал в семинар К.Г. Паустовского, благодарностью которому пронёс через всю свою жизнь.

Литинститут послевоенных лет давал весьма среднее высшее образование. Диплом «литературного работника» открывал двери в издательские и журнальные редакции, однако, таланта не заменял. После окончания Литинститута почти десять лет Борис Балтер занимался черновым литературным трудом, выпустил небольшой сборник совершенно дюжинной прозы, а в 1953 году в Абакане даже руководил литературным отделом... Хакасского НИИ языка, литературы, истории! В конце 1950-х гг. в его «переводах» выходили «Хакасские народные сказки» и два сборника «исторических повестей о жизни хакасского народа». Лишне говорить о том, что тамошнего языка он не знал совершенно и «переводил» по корявым, полуграмотным подстрочникам. В те годы многим опальным и «неудобным» для властей писателям приходилось зарабатывать на жизнь подённой редакционной работой и переводами литератур «братских народов». Великая А. Ахматова вынуждена была «переводить» даже с корейского языка! И потому в одном из стихотворений гениального Арс. Тарковского однажды прозвучал глубоко выстрадавший и многим литераторам очень понятный рефрен:

Для чего я лучшие годы
Продаю за чужие слова?

Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова!

Вспоминая Б. Балтера, Ст. Рассадина, младший из его приятелей, писал: «Мы – и я, и прочие из друзей – его жалели. Как завязатого неудачника. Он выглядел человеком, которого в литературу занесло недоразумение, неудачливость на ином, соприродном ему поприще (из армии выперли как еврея в известный период борьбы с «космополитизмом»). И хоть издал книжицу «про войну» под редакцией Паустовского, но до очевидности слабенькую, а теперь вот мается на случайных заработках. Причём и тут своя обидная иерархия: одно дело, всё тот же Коржавин, отвечающий на графоманские письма, непечатаемый, но уже состоявшийся поэт, и другое – Балтер, писатель, которого нету».

И Б. Сарнов напишет о его первых литературных опытах: «очевидно неталантливый». И Б. Слуцкий по-военному скажет, как отрежет: «Балтер человек, очевидно, бездарный». Поэтому когда однажды Борис попросил своих редакционных приятелей послушать в его чтении главы новой повести, каждый из них, абсолютно не веря в удачу этой затеи, малодушно пытался увернуться от такой сомнительной чести. Никому не хотелось огорчать хорошего человека. Ну что делать, если судьба усадила человека за писательский стол, но забыла наделить хоть малой толикой таланта. Впрочем, их опасения оказались напрасными. Для каждого, кто присутствовал при том «историческом» чтении, было совершенно очевидно – появился новый, без скидок, талантливый автор!

Сначала фрагмент повести был напечатан в альманахе «Тарусские страницы» (1961), через год, полностью, – в «Юности» (1962). Однако появление её на страницах самого популярного молодёжного журнала было не так однозначно. Прочитав рукопись, тогдашний редактор журнала, дважды сталинский лауреат, Б. Полевой наложил высокомерную и несправедливую резолюцию: «Интендантская чуш!» (именно так – неграмотно, без мягкого знака в конце слова!). Тем более обидную, что Балтер был профессиональным боевым офицером. И на фронте служил, отнюдь, не в интендантском обозе, а был начальником дивизионной разведки, и своё первое ранение и первые награды получил ещё на «незнаменитой» финской войне!

Так или иначе, помог счастливый случай, сыграл свою роль и авторитет К. Паустовского. Повесть нашла своего благодарного читателя! Потом были спектакли в Ленком (1964) и других театрах страны, и, наконец, – отдельное издание книги в «Советском писателе» (1965). Ещё через год М. Калик снял одноимённый кинофильм. И позже, один за другим, появились переводы на многие европейские языки. Заслуженная слава обрушилась на писателя, как снежная лавина.

Без сомнения, 1964-й год стал для писателя одним из самых счастливых в его жизни! Готовясь в экранизации повести, он настоял на своём обязательном присутствии на съёмках. И это было не зря, т.к. М. Калик видел в повести лишь литературный «полуфабрикат» и потому самовластно пытался перевести тонкий прозаический текст на другой, кинематографический язык: заменял важные для писателя диалоги долгими крупными актёрскими планами со сложным постановочным светом. Вносил то, что меняло общую тональность, и поэтому

пронзительно щемящий литературный текст неминуемо превращался в добротный киносценарий, который мог сочинить любой опытный и мастеровитый киношник.

Как известно, большая часть натуральных съёмок проходила в Евпатории, и это давало писателю возможность посетить родной город после почти четвертьвекового перерыва.

Евпатория, по сравнению с другими крымскими городами, пострадала несравненно меньше. Здесь не было стратегических военных объектов, как в Севастополе, Феодосии и Керчи. И в начале войны наши войска, и в конце её немцы оставили город почти без боёв. И потому все знаковые места, которые составляли лицо города, остались почти неприкосновенными: городской трамвай, православные храмы и мечеть, старинные татарские улочки, театр, кинотеатры, библиотека, здания школ и шикарные особняки в Новом городе.

А самое главное – были живы многие одноклассники и друзья писателя! На встречу с ним пришли бывшая старшая пионервожатая Рая Зайчикова, учителя Вера Васильевна Тарасенко и Павел Александрович Алипов. И, по алфавиту, как в классном журнале, – бывшие соученики и друзья: Бабанская Катя, Брусникина Вера, Гафо Люда, Губерман Дора, Дашковская Полина, Ильинская Женя, Кервицы Люся и Ян, Коломийцева Тамара, Либерманы Миша и Шура, Махновская Итта, Нестеренко Лида, Судлер Лёля, Теслер Зиновий, Шпаковский Семён, Эренгросс Ада, Якобсон Руня... Сегодня они были врачами, учителями, педагогами, архитекторами, музейщиками, юристами... И главный среди них, конечно, друг и однокашник, – Балтер Борис, знаменитый и талантливый советский писатель!

Но за последовавшие за тем десять лет он не был в родном городе ни разу! Это тем более удивительно, что Крым он посещал неоднократно, жил в Ялте, бывал в Коктебеле, но Евпаторию почему-то всякий раз настойчиво избегал...

Близко знавший его В. Виленкин вспоминал: Он «впитывал» «крымские красоты» жадно, благодарно, как выздоравливающий. По-детски радовался всему: кораблям в порту, деревьям, синему небу, облакам. Что-то, не переставая, волновало его в Крыму. Что? Для него, уроженца Евпатории, вроде бы ничего не было удивительного в этом неизменном наборе «курортных красот». Что же тогда? В его «Мальчиках», по сути, нет Крыма: есть довоенный курортный город, его обитатели, есть Чёрное море и песчаные пляжи, но не Крым. Не знаю, может быть, в детстве он вообще не воспринимается, Крым, с его «прелестной неизъяснимостью», как писал Пушкин?».

Всё в этих словах справедливо, но, самое главное, – нет ответа на поставленный вопрос. В чём же тогда дело?.. В чём причина такой явной избирательности?.. Причину, наверное, нужно искать в событиях, последовавших после триумфа начала 60-х годов. И ответ, скорее всего, подскажут события дней нынешних.

В начале этого года (2013) евпаторийский городской музей пополнился новыми экспонатами, связанными с жизнью и творчеством знаменитого земляка. Дело в том, что оставшиеся родственники писателя решили продать дом в деревне Вертошино, который в своё время выстроил сам писатель. И Я. Фоменко, патриот

Евпатории и председатель Балтеровского комитета, инициировавший и организовавший пять лет тому назад художественное переиздание знаменитой повести, успел спасти и сохранить несколько мемориальных раритетов. Среди них – пишущая машинка писателя; перекидной календарь, навсегда оставшийся открытым на дате: 8 июня 1974 года – дне смерти писателя; машинописная страница с кратким названием: «АВТОПОРТРЕТ (думая о Паустовском). Роман». Под этим никому не знакомым названием помещён эпиграф: «Я буду искать. Пусть моя искренность станет синонимом правды, если память в чём-то подведёт меня или глубина правды окажется недоступной моему разуму».

По воспоминаниям близких известно, что он долго выбирал название для своей будущей книги. То это была «Повесть о жизни», но так уже называлась книга К. Паустовского. То «Вечный огонь» - название слишком тривиальное. Наконец, окончательный вариант - «Автопортрет». Но неизвестен никому «роман» Балтера с таким названием. Странное и гнетущее впечатление производит эта титульная страница!..

Размышляя о «малописании» Б. Балтера, Ст. Рассадин говорил: «Борис Балтер остался – а я твёрдо произношу этот глагол, заслуженный не многими из писателей, даже из нашумевших, - автором одного сочинения. Что его мучило. (...) Видно, талант слишком долго ждал выплеска, слишком щедро душа излилась в повести, слишком много в ней высказано сокровенного... Или подобного не бывает «слишком»? Как сказать. Это зависит не только от истинности таланта, но и от его стайерской выносливости, которой Балтеру не хватило. Жалеть ли об этом? Я – жалею и не жалею: если бы писательская судьба развивалась более плавно и постепенно, то и повесть, возможно, не обожгла бы читателя. А она - обожгла».

По-своему Рассадин прав. Но это только одна часть правды. Одно дело, когда «стайер» сам не рассчитал своих сил, и ему до финиша не хватило дыхания. Совсем иное, когда на самом старте ему подставляют подножку или грубым командным окриком вообще снимают с дистанции. С Балтером произошло именно так. И переданная Я. Фоменко в музей машинописная «Протокольная запись заседания бюро Фрунзенского райкома КПСС города Москвы, 20 июня 1968 г.» с непреложной очевидностью расставляет все необходимые акценты.

С чьей-то лёгкой руки, в местных СМИ Евпатории несколько раз была продублирована информация о том, что в музей поступила... «рукопись неопубликованного рассказа Балтера под названием «Протокол партийного собрания»! Но, по большому счёту, таких «рассказов» в многочисленных архивах и спецхранах нашей бывшей Родины хранятся многие и многие тысячи!

Разбирая очередное «персональное дело», партийный синедрион, как правило, уже имел на столе две заранее заготовленные резолюции. Если «разбираемый» партиец «разоружался перед партией», признавался в своих несовершенных злодеяниях, его, в лучшем случае, ждал бы «строгач» «с занесением» или «без занесения». Того же, кто упорствовал, настаивая на своей невинности, «ошибок» не признавал и не «разоружался перед партией», ждали «оргвыводы» самые драконовские!

«Преступление» Б. Балтера состояло в том, что он подписал коллективное письмо Брежневу, Косыгину, Подгорному, Руденко в защиту несправедливо осуждённых правозащитников А. Гинзбурга, Ю. Галанскова. На заседании бюро он своих «ошибок» не признал, от своей подписи не отказался, не выдал и тех, кто письмо составлял и давал на подпись.

«Я поднимался на эту трибуну, - сказал он, - с таким же напряжением, с каким ходил в атаку. Не пора ли задуматься, товарищи, откуда это взволнованное чувство готовности совершить подвиг, хотя всего-навсего хочешь сказать то, что думаешь (слово правды)».

«По странному стечению обстоятельств, - продолжил он далее, - ровно тридцать лет тому назад меня исключили из комсомола за то, что я не хотел верить, что моя мама враг народа. Мне было тогда девятнадцать лет. Ни моё участие в двух войнах, ни ранения, ни награды не могли снять наложенного на меня клейма. Вплоть до XX съезда партии я был человеком второго сорта. Может быть, поэтому я так остро реагирую, когда мне представляется, что делаются попытки перечеркнуть решения XX и XXII съездов партии».

Как и многие «шестидесятники», он ещё продолжал наивно верить, что хрущёвская «оттепель» вот-вот всё-таки перейдёт в настоящую демократическую весну. Но главный «метеоролог» «оттепели» Н.С. Хрущев уже четыре года находился на позорном «заслуженном отдыхе». А со дня этого партийного собрания оставалось ровно – день в день – два месяца до введения войск «стран Варшавского Договора» в мятежную Прагу.

Матёрый потрясатель литературных канонов и мудрый, как змий, Виктор Шкловский однажды увещевал его: «Боря, в молодости я был очень сильным человеком, я мог разогнуть и согнуть подкову. Но я не мог поднять товарного вагона и поэтому никогда не пытался этого делать». Но переубедить его не смог, и позже, сетуя на то, что Балтер так и не послушался его, уже другим знакомым с горечью сказал: «А Боря пытался поднимать такой вагон. Вот и не стало его в 54 года. Но своё гражданское мужество он пронёс до конца своих дней».

В предисловии к сборнику Балтера, вышедшему в 1991 году, Е. Сидоров, хорошо знавший его, писал: «Б.И. Балтер вступил в партию в феврале 1942 года под Новоржевом, когда 357-я стрелковая дивизия попала в окружение. В той обстановке самой большой опасности подвергались коммунисты, войсковые разведчики и евреи. Балтер был начальником разведки дивизии и евреем. Тяжело раненный, он стал коммунистом в возрасте двадцати двух лет».

Таким образом, в случае пленения, он трижды подписал себе смертный приговор. Но – жуткая гримаса тогдашнего времени! – смертный приговор ему подписали его же однопартийцы!

Читая стенограмму того партсобрания, не можешь отделаться от впечатления, что оно, это «собрание», легко бы вписалось в самый абсурдный, сюрреалистический текст, наподобие «Процесса» Ф. Кафки или «Приглашения на казнь» В. Набокова. И даже если бы в конце собрания председательствующий торжественно объявил: «После казни – танцы!», то и это не показалось бы чрезмерным. Столько иезуитской риторики, столько самой настоящей

людоедской кровожадности, кажется, не в состоянии проявить ни одно нормальное человеческое существо. Но не те «существа» в президиуме, с чугунным усердием проводящие в жизнь «линию партии». Во время войны каждый из них, пожалуй, проявлял героизм на «ташкентском фронте», а если и нюхал порох, то это был порох победных салютов. И они-то решали судьбу фронтовика-инвалида! Лишив его партийного билета, они обрекали писателя на изгойничество и полуголодное существование.

Имя Балтера сразу же исчезло из литературного обихода, оно было вычеркнуто из всех издательских планов, для него закрылись редакции всех журналов, исчез из репертуара кинотеатров кинофильм «До свидания, мальчики!». Издательство расторгло подписанный с ним договор, и, чтобы вернуть полученный аванс, ему пришлось, как когда-то, зарабатывать изнурительным писанием внутренних рецензий. Снова, как когда-то, пришлось заниматься «переводами» среднеазиатских «классиков», вроде А. Мухтара, П. Кадырова и А. Якубова. Привыкший все свои проблемы решать в одиночку, он ярился, видя, как жена и дочь бегают по урокам и пытаются найти дополнительный заработок.

А в голове зрел и складывался новый роман, «ещё более автобиографический». Казалось, он уже готов, нужно только его «записать». Но что-то сдерживало его. Близко и давно знавший его Л. Лазарев писал по этому поводу: «Долгое время – так мне кажется – Балтер не мог писать не только потому, что скверно себя чувствовал и был занят строительством дома. Видно, - осознанно или неосознанно, - боялся, что новая вещь будет слабее, чем «До свидания, мальчики!», опасался, вдруг в результате всех мытарств, всех неприятностей незаметно для него самого в душу проник страх перед правдой и этот внутренний редактор будет его сковывать, уводить на путь, что «протапанней и легче». (...) Увы, написать новую книгу, ему было не дано – остановилось сердце».

Неслучайно один из близких его знакомых скажет потом, что «эта смерть похожа на убийство».

Его друзьями и товарищами были В. Аксёнов, В. Виленкин, В. Войнович, Н. Коржавин, Б. Окуджава, Ст. Рассадин, Б. Сарнов, М. Строева. Им не нужно было объяснять причин вынужденного молчания, потому что все они были, по словам Б. Окуджавы, из поколения, которому «время подарило пустые обещания». И некоторые из них сами находились в сходных обстоятельствах. Но все они были моложе, у них за плечами не было окопов на передовой, ранений и вконец надорванного сердца.

Очень скоро придёт время, и, разуверившись в «пустых обещаниях», эмигрируют М. Калик и Н. Коржавин, лишат гражданства и выдавят из страны В. Аксёнова и В. Войновича. Но без преувеличения можно сказать, что эмиграция спасла их и каждому продлила жизнь.

Представить себе в эмиграции Бориса Балтера невозможно! Он остался, как на войне остаются те, кто ценой собственной жизни прикрывал отступающих однополчан. Не зря кто-то из близких назовёт его «рыцарем без доспехов». Об этом свойстве его характера очень хорошо сказал В. Виленкин: «Кажется, я не

встречал людей, с такой обострённой совестью, с такой требовательной, ничего не прощающей нравственной чуткостью и с такой смелостью нравственного противостояния злу. Всей своей жизнью, в которой было столько трудного, опасного, столько взятого с бою, столько отважно защищённого и сохранённого в себе, несмотря ни на что, он завоевал своё право на непримиримость».

Только это и было его доспехами и его оружием.

Ему хорошо было известно, что в Евпатории все старые школьные друзья ждут его новых книг и, конечно, дружно недоумевают по поводу столь затянувшегося молчания, по поводу того, что его имя почему-то вдруг исчезло из литературных новостей. Всё это значило, что при встрече с земляками, хочешь - не хочешь, пришлось бы вводить их в существо случившихся катаклизмов, принимать их сочувствие и сожаления. Кто знает, может быть, именно поэтому он так старательно избегал посещать свой родной город?..

Старый фронтовик и полковой командир, он никогда не перекладывал свои беды и проблемы на плечи других, тем более, близких ему людей. И потому, не взирая на безнадёжно больное сердце, упорно продолжал, по словам В. Шкловского, пытаться «поднимать вагон».

К великому сожалению, дома, построенного его руками в Вертошино, теперь уже не существует. Значит, и его музея там не будет никогда. Вряд ли кто знает и помнит его в Самарканде, где прошло его детство, или в Хакасии. Вряд ли и в нынешней мегаполисной Москве найдётся уголок для увековечивания его памяти. Остаётся только Евпатория!

Сегодня, накануне 40-летия со дня смерти, Борис Балтер возвращается в свой родной город своими немногочисленными рукописями и артефактами. В недалёком будущем в городском краеведческом в музее Евпатории может возникнуть интересная и довольно внушительная экспозиция, посвящённая его жизни и творчеству.

По инициативе Балтеровского комитета, на городской набережной Евпатории, на том месте, где предполагается открыть памятник нашему замечательному земляку, недавно установлен закладной камень. Уже существует эскизный вариант скульптурной композиции. Озвучена идея основать в этом месте «аллею выпускников». Дело, как водится, за малым - за финансированием.

Хочется верить, что окончательное возвращение писателя в родной город станет делом чести всех горожан, начиная от простых читателей и кончая представителями городских властей. И тогда очень скоро каждый патриот Евпатории с воодушевлением сможет сказать: «С возвращением в родной город, Борис Исаакович Балтер!».

Е. Никифоров